

ВОСПОМИНАНИЯ

ОБ УЧАСТИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 г.г.
(Для моих внуков)

22 июня 1941 года, воскресенье, погожий солнечный денек. Иду по улице Трубчевской гор. Орджоникидзеграда (ныне Бежицкий район гор. Брянска), спешу в гости к товарищу по работе: договорились пойти на реку Болва купаться.

И вдруг... из открытого окна дома, мимо которого прохожу, слышу голос женщины - "Война".

Остановился, прослушал правительственное сообщение о нападении на нашу Родину фашистской Германии. В это же время был передан Указ Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных граждан 1905-1918 годов рождения.

Прогулка на лоно природы не состоялась.

х х
х

Мой год рождения 1922 (6 августа) мобилизации не подлежал, но мы, комсомольцы завода "Красный Профинтерн" (ныне производственное объединение Брянский машиностроительный завод) с первого дня войны активно искали свое место в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Нам с дружкой Василием Волковым, уроженцем ст. Синезерки, удалось довольно быстро определиться в этом важном деле. В первых числах июля 1941 года по рекомендации комитета комсомола были зачислены бойцами Орджоникидзеградского (Бежицкого) городского истребительного батальона.

В батальоне более 500 бойцов, в том числе 115 коммунистов и 87 комсомольцев. Командиром батальона был назначен Александр

Иванович Виноградов — начальник цеха завода "Красный Профинтерн".

Вооружены мы были, в основном, английскими винтовками, которые были тяжелы, при стрельбе сильно отдавали в плечо, вместо штка был длинный нож, да 25 патронов к такой каракатице. Было у нас несколько пятнадцатизарядных автоматов и десятизарядных полуавтоматов. На роту имелся стаковый пулемет "Максим", на взвод — ручной пулемет. Каждый боец имел по две гранаты, противогаз и индивидуальный перевязочный пакет.

Одеты мы были в осовиахимовскую униформу цвета хаки. Жили на казарменном положении. Батальон размещался в трех помещениях: двухэтажном деревянном здании Осовиахима, которое находилось между Бежицким райисполкомом (нынешнее помещение) и кинотеатром "Победа" и двух бараках в парке, которые были напротив фабрики кухни. Теперь этих домов нет.

Нагрузка на бойцов огромная: днем изучаем оружие и ухаживаем за ним, нас тренируют по тактике боя — роем окопы, ползаем попластунски и др.; ночью идем патрулировать по городу, охраняем объекты, устраиваем засады по вылавливанию ракетчиков. А этой сволочи в городе уже много и поэтому, как только появляются немецкие бомбардировщики, в ночном небе в направлении машиностроительного и сталелитейного заводов лазутчики пускали десятки сигнальных ракет, т.е. указывали объекты, которые надо бомбить. Мы ловили сигнальчиков и они карались по законам военного времени.

Однажды, мы втроем дежурили в парке культуры и отдыха, что рядом со дворцом БМЗ. Вдруг, увидели, что с жилого дома по улице Ульянова (этот дом рядом с гостиницей машиностроительного завода в сторону колхозного рынка) по направлению к нашему заводу пущена ракета. Но на крыше дома человека не видно. Ракетчик обнаглел, он сидел в доме рядом с общежитием нашего батальона. Мы подняли тре-

всугу, дом был окружен, ракетчика задержали и передали в горотдел НКВД.

Позже нами установлено, что для пуска ракеты лазутчик не выходил на крышу, а сдвигал в сторону лист шифера кровли и делал выстрел. Была раскрыта небольшая хитрость врага.

х

х

х

Вражеские войска продвигались вглубь страны.

В городе идет эвакуация за Урал машиностроительного и сталелитейного заводов.

В начале августа 1941 года группа коммунистов и комсомольцев с завода "Красный Профинтерн" из состава истребительного батальона была направлена в школу подрывников, которая размещалась в сохранившихся помещениях бывшего монастыря в Белобережской пустоши, ныне на этом месте Белобережский детский ревматический санаторий.

В числе курсантов этой школы был и я. Обучали нас минировать железнодорожное полотно, мосты и дороги, владеть советским и немецким оружием вплоть до станковых пулеметов; ориентироваться на местности по картам и компасу; оказанию само и взаимопомощи при ранениях.

Многое нам дали навыки по развитию внимания и аккуратности. Внимание и аккуратность крайне необходимы человеку и эти ценные качества необходимо каждому развивать. Рассеянность и неаккуратность ведут к ошибкам, а минеру ошибаться нельзя, потому что ошибка стоит жизни.

Преподавали в школе товарищи (работники органов госбезопасности) хорошо владевшие теорией и практикой подрывного дела. Мы, зная, что предстоит воевать с сильным и коварным врагом, старались добросовестно учиться и за относительно короткое время многому научи-

лись. В партизанском отряде мы часто добрым словом поминали наших наставников — подрывников, которые вложили в наши головы и руки умение владеть миной.

К большому сожалению время стерло в моей памяти имена этих замечательных людей.

В конце сентября 1941 года меня в составе группы окончивших школу подрывников (15 человек) направляют за линию фронта в Рогнединский район нашей области (на мою родину) для диверсий на коммуникациях врага. Я родился и вырос в Рогнединском районе (дер. Прилепы, Хариновского сельсовета), в 1940 году окончил Тюнинскую среднюю школу и лишь только один год жил и работал в городе.

Наша группа имела задание перейти линию фронта в районе Шипаньского переезда на р. Десна, выйти к железной дороге Киров-Рославль и применить там знания подрывного дела.

Я хорошо знал большой участок леса через который проходила эта железная дорога, так называемый Тризновский лес. Этот лес от нашей деревни в 20 км, но мы заготавливали в нем дрова (топливо) на зиму, а летом наш колхоз имел там сенокосные угодья.

На хуторах и в деревнях перед Тризновской дачей я знал многих людей: за шесть лет учебы в средней школе я бывал в домах у многих своих соучеников. От нашей деревни до с. Тюнино ровно десять километров и поэтому, зачастую, в непогоду я ходил ночевать к своим товарищам. Я был убежден, что в знакомых домах мне помогут.

Следует отметить, что на двух факторах: знание местности и знакомство со многими людьми в районе действия была основана реальность задания нашей группы и моей персоне отводилась важная роль в этом деле.

Военные приняли нашу группу очень хорошо. Майор рассказал нам, между прочим, что на днях немцы взяли в плен взвод нашей разведки.

Согласно письму, переданному командиру войсковой части, военные всячески способствовали тому, чтобы мы перешли линию фронта.

В войсковой части мы пробыли двое суток. Отдохнули после неблизкой дороги.

На второй день, как только стало смеркаться, в восьмом часу вечера, мы пошли к реке Десна, которую надо было перейти вброд. Сопровождали нашу группу пять армейских разведчиков, хорошо знавших здешнюю местность.

Идем на важное дело, но идем в неизвестность... Да и сами мы безымянные: у нас нет никаких документов. Поименный список бойцов нашей группы был оставлен в войсковой части. Но мы знали, что надо выполнять задание. Вот это надо и вело нас вперед.

Одет я в комбинизон (азроклубовский), сверху фуфайка, на голове картуз. На ногах яловые сапоги. В вещевом мешке четыре килограмма тола (взрывчатка), два метра бикфордова шнура, два килограмма сухарей и четыре банки тушонки (тушонка — подарок военных).

В правом нижнем кармане брюк — жестянка от зубного порошка, в ней десять, завернутых в бинт, взрывателей. В левом кармане куртки индивидуальный перевязочный пакет. На ремне под фуфайкой граната. Другого оружия нет.

Перейти линию фронта нашей группе не удалось. Как только мы вышли в пойму Десны, немцы пустили несколько осветительных ракет и начали обстрел из пулеметов. Залегли мы в ложбине и были в безопасности. Пальба длилась минут двадцать и прекратилась. Как говорили сопровождавшие нас разведчики — "фрнцы отработали свое".

Возвратились в войсковую часть. Утром связались с Брянском. В школе № 27 в Фокинском районе Брянска размещался отдел по заброске диверсионных групп во вражеский тыл. Возглавлял этот отдел майор Сидоров. Нам было приказано срочно возвратиться в Брянск.

Между прочим, военные товарищи предложили нам остаться в армии, им нужны были саперы. Но мы не могли нарушить приказа нашего начальства и военные это понимали.

Поблагодарили военных за хороший прием и помощь, и ушли в сторону Брянска.

3 октября 1941 года группа была уже на ст. Брянск-I. Наши товарищи железнодорожники обратили внимание на поезд Рига-Орел, почему он не ушел на Орел. Проводники этого поезда ответили, что г. Орел занят немцами. Таким образом, мы фактически оказались в немецком тылу.

5 октября 1941 года мне было приказано отбыть в расположение Орджоникидзеградского (Бежицкого) партизанского отряда. К обеду 5 октября я был в гор. Орджоникидзеграде.

В батальоне меня встретили как родного. На вечерней поверке А.И.Виноградов - наш командир, тогда сказал, что вот вернулся еще один из наших минеров, который побывал на фронте. Обращаясь ко мне, Александр Иванович спросил: "Вашу группу на Десне обстреляли?" Я ответил, - "Да!". "Ну, как, - продолжал Александр Иванович, - страшно было?" И я выпалил, - "Очень страшно, но мы крепились, чтобы не опозориться перед военными разведчиками!"

"Впереди у наших минеров много работы", - продолжал А.И.Виноградов. Эти слова были обращены к стоявшим в боевом строю минерам: Василию Дурневу, Борису Горному, Михаилу и Анатолию Коршуновым, Филиппу Голбнеру, Василию Ликонцеву, Юрию Протопонову, Михаилу Маркелову, Тихону Шпадыреву, Федору Артамонову, Андрею Обьденникову, Федору Самусенко, Василию Волкову, Михаилу Гудакову, Василию Латышеву, Михаилу Сергеечеву, Ивану Коренкову, Анатолию Титову, Анатолию Жогину, Евгению Берндту и ко мне лично.

Здесь же нам было объявлено, что решением Орджоникидзеградского горкома ВКП(б) на базе нашего истребительного батальона создан партизанский отряд. Командиром отряда назначен А.И.Виноградов.

Во-второй половине дня, 6 октября, узнали, что немцы заняли Брянск.

В нашей Бежице столпотворение. Жители, оставшиеся в городе, растаскивают продукты из складов и магазинов. По улицам бродят не кормленные и не доинные коровы, свиньи, брошенные жителями, уехавшими в эвакуацию.

Наш партизанский отряд готовится к выходу в лес, где заранее оборудованы землянки для личного состава, заложено продовольствие, боеприпасы.

Вечером, 8 октября 1941 года, отряд покидал объятый пожарами город.

Большинство бойцов, в том числе и я, не знали где лесная база отряда. Оказалось, что база недалеко, за "Власовой будкой" (место отдыха горожан до войны). по мосту перешли реку Болва и вошли в Карачиже-Крыловскую дачу Брянского леса. Остановились недалеко от опушки и разошлись по землянкам.

Утром, 9 октября, осмотрелись. Город рядом, до него 6 км. Землянки отряда размещались в километре вокруг штабной, на небольшом лесном участке.

Землянка нашей второй роты (командир Георгий Родионович Климов) была сооружена на опушке леса в сторону города (Белая Круча).

В землянке проживает 20 человек во главе с нашим командиром и политруком роты (Пузачевым Александром Ивановичем). Землянка построена так: вырат котлован в два человеческих роста, в который опущен деревянный сруб; сверху накатник в три ряда, засыпанный землей. Вход в землянку только один через лаз, который имеет фор-

му колодезного сруба 2х2 метра. Сверху лаза крышка, на ней мох и пенек (маскировка). По лестнице лаза спускаешься вниз, идешь метра три и перед тобой дверь собственно в землянку открывающаяся внутрь. Прямо против двери в глубине землянки стол, немного с боку печка-буржуйка. Справа и слева прохода - нары. Все сделано добротно и чисто.

В землянке тепло, тихо. Но, очевидно, строители не думали о том, что в скором времени эта благоустроенная землянка станет ловушкой и братской могилой для двенадцати наших товарищей.

В лесу красота, он полыхает осенним разноцветием. Сосновый бор. Ветерок шумит в верхушках вековых деревьев. Рядом река. Благодать, да и только. Ко всему этому вволю еды. На завтрак, 9 октября, нам принесли большую банку черной икры, ели её столовыми ложками. Но это один лишь эпизод. В дальнейшем мы воевали на тощий желудок.

Однако, ни с чем не сравнима нравственная красота моих боевых товарищей - партизан: их мужество, стойкость, непоколебимая любовь к Родине и вера в Победу.

В партизанский отряд были отобраны настоящие люди, способные в тяжелых, зачастую, в невыносимых условиях бить врагов.

Маленькое отступление. В книге выдающегося советского военачальника Бориса Михайловича Шапошникова "Воспоминания" сообщается, что в Академии Генерального штаба России, слушателем которой он являлся с 1907 года, профессора помимо программы задавали свои излюбленные вопросы. Так, профессор тактики генерал Колубакин требовал определить одним словом, каким должен быть партизан. Экзаменуемый мог говорить все что угодно: и смелый, и храбрый, и т.д. Эти ответы не устраивали Колубакина, по его мнению, партизана можно было охарактеризовать только одним словом: отчаянный. Вот такими

отчаенными были наши партизаны.

Для 20 человек в нашей землянке было тесновато и, в связи с этим, 13 октября семерых, в том числе и меня, перевели в небольшую землянку (бывшую продбазу), расположенную недалеко.

В первой половине дня 16 октября, на 8-ой день после нашего выхода в лес, немцы (около 40 человек) прибыли на двух грузовиках к дому лесника на "Чистенке" напали на нашу землянку.

При подходе к землянке немцы были замечены постовым и он дал по ним очередь из пулемета, Ребята, услышав стрельбу, стремились вырваться из землянки, но враги были уже у двери лаза. Василия Чебрикова и Катю Белугину (моя землячка, родилась и выросла в одной деревне), которые первыми пытались покинуть землянку немцы расстреляли в упор. Дальше фашисты сбросили в лаз на трупы Чебрикова и Белугиной бутылки с samozагорающейся смесью "КЗ", два ящика которой стояло у сосны рядом с дверью лаза, закрыли крышку, забили землей трубу печи и поспешно удалились.

В землянке забушевало пламя, оставшиеся в землянке партизаны во главе с командиром Георгием Родионовичем Климовым приняли мученическую смерть. Среди погибших был и мой дружок Вася Волков.

На Белой Круче, на месте сгоревшей землянки и гибели партизан-виноградевцев установлен памятник.

До сих пор вспоминаю разговор с Василием Васильевичем Чебриковым ночью с 15 на 16 октября 1941 года. Василий Чебриков (он был старше нас), Анатолий Жогин и я в эту ночь ходили в разведку по берегу Болвы к Бежице. В сторону города шли очень осторожно, ничего подозрительного не обнаружили. На обратном пути разговорились. В.Чебриков, вздохнув, говорит: "Вот ты, Николай, доживешь до Победы, а я нет". Я ему ответил: "Вы, Василий Васильевич, неправы, меньше шансов дожить до конца войны у меня потому, что я минер".

И действительно, 16 октября В.В.Чебриков погиб. В предчувствия я не верю, но факт остается фактом.

Гибель товарищей потрясла нас, но не сломлен наш боевой дух. Мы поклялись отомстить за друзей.

В этот же день нам сообщили, что немцев в лагерь привел Латышев, который в истребительном батальоне был помощником у командира взвода Виктора Левина и участвовал в строительстве землянок. Перед выходом отряда в лес, 5 октября, этому гаду оторвало взрывателем от гранаты два пальца на руке. Будучи раненым, он остался в Бежице, пошел на службу к оккупантам и творил черные дела.

Сразу же после освобождения Бежицы предатель Латышев был задержан и повешен по решению военного трибунала.

Рассказали и о том, что изменника опознал в лесу Вася Аниканов. Немцы, продвигаясь от домика лесника на "Чистенке" к землянке, захватили на посту Васю Аниканова, распороли ему штыком живот и пошли дальше. Смертельно раненый Вася дополз до штабной землянки (1,5 км) и сообщил, что немцев привел Латышев. Через несколько часов наш боевой друг Василий Аниканов умер.

Через два дня (18 октября) рота Михаила Григорьевича Гудакова и оставшиеся в живых бойцы нашей роты Г.Р.Климова под руководством А.И.Виноградова ушли в Соколовскую дачу к Круглому озеру выбирать место для второй стоянки объединенного отряда и строить землянки. Мы построили три землянки: для штаба, для медсанчасти и жилую для себя.

Наученные, как говорят, горьким опытом, землянки мы строили уже с таким расчетом, чтобы они не только укрывали нас от стужи, но и были пригодны для круговой обороны при нападении врагов.

Вскоре в Соколовский лес прибыли и отряд Тихона Федоровича Шадырева.

Строя землянки около Круглого озера, мы начали бить оккупантов. Наша группа, 12 человек, под руководством М.Г.Гудакова устроила засаду на Любохонском большаке (у Кривого дуба). Мы разбили три автомашины с немцами, захватили трофеи: три пулемета, автоматы, винтовки, боеприпасы, продукты. Сожгли автомашины. М.Г.Гудаков, шофер по профессии, говорил: "Добрые машины, а надо жечь".

Назавтра, немцы перекрыли Любохонский большак у Кривого дуба, собрали несколько сотен людей, идущих по дороге, и расстреляли их из пулеметов.

Из наших ребят никто не пострадал. В это же время из старого лагеря командиру объединенного отряда А.И.Виноградову докладывали, что наши ребята перебили охрану и освободили колонну советских военнопленных около 5000 человек. Связные также сообщили, что отряд Андрея Сергеевича Горбачева напал на обоз немецкой войсковой части, проходившей по большаку на Орловские дворики, забрали много осмундирования, продуктов и немецкую полевую почту.

Все мы были бесконечно рады первым, хотя и небольшим победам над ненавистным врагом.

А.И.Виноградов работал наравне со всеми и даже больше нас (ему шел сорок третий год). Вечерами беседовал с нами о литературе, об искусстве, о театре, о родном заводе. "Вот кончится война, - говорил он, - построю всех вас молодых и поведу учиться в машиностроительный институт. Заводу нужно много инженеров".

Мы знали, что Александр Иванович эвакуировал на Урал жену Лидию Андреевну и дочь. Чувствовалось, что он скучает без родных, потому что в разговорах, зачастую, вспоминает жену. Вот принесли ребята муку, Александр Иванович и говорит: "Сюда бы мою Лидию Андреевну, она спекла бы нам хороших пирогов. С какой начинкой,

ребята, будем есть пироги?" "С капустой! - отвечаем". "Да, - говорит Александр Иванович, - а вот капусты у нас нет, пирогов не будет".

Мы часто пели песни: "Партизан Железняк", "Там в дали, за рекой...", "В чистом поле, под ракитой...", "Катюшу".

5 ноября 1941 года оставшиеся в Крыловском лесу бежицкие партизаны вели бой с большим немецким карательным отрядом целый день. В этом бою героически погиб замечательный бежицкий парень, любимец отряда, командир четвертой роты Андрей Максимович Обденников. После этого боя все наши партизаны перешли в Соколовский лес к Круглому озеру.

В первой декаде ноября 1941 года наша Климовская рота была пополнена новыми бойцами. Командиром роты назначен Евгений Рудольфович Берндт, политруком - Михаил Данилович Андреев.

А.И.Виноградов приказал нашей роте перейти в Улемльский лес, где уже базировался отряд, созданный из рабочих, инженерно-технических работников и служащих Бежицкого сталелитейного завода, которым командовал Дмитрий Григорьевич Пуклин.

За одну ночь мы сделали переход к месту новой стоянки.

В Улемльском лесу, недалеко от дома лесника Ивана Титовича Догадаева мы быстро построили землянку. Стали осваивать окрестности. Ведем заготовку продовольствия. В дер. Пупково у крестьянки, имевшей двух коров, с её согласия взяли старую корову. Хочу отметить, что когда партизаны брали у крестьян скот, то им выдавали об этом справку и после Победы тем кто предъявлял такие справки выдавали коров из числа пригнанных в нашу область из поверженной Германии.

Вскоре Е.Р.Берндт и М.Д.Андреев направились с дружеским визитом к Д.Г.Пуклину, взяли с собой и меня, как командира отделения

минеров. Пуклинцы, база которых была недалеко от деревень Дубровка^W Стайки Жиздренского района Калужской области, встретили нас по-братски. Жили они хорошо и тихо. В отряде Пуклина меня познакомили с их ребятами, которые знали подрывное дело — Николаем Архиповым, Михаилом Сазонкиным и Николаем Лапеным. В дальнейшем мы плодотворно совместно участвовали в боевых операциях. Но меня очень обрадовало то, что у пуклинцев было много взрывчатки (тола) и других предметов, необходимых для минера. Д.Г.Пуклин щедро поделился с нашим отрядом оружием, боеприпасами и продовольствием. Вернулись мы в отряд с хорошими подарками, уверенные в том, что рядом боевой партизанский отряд сталелитейщиков.

В двадцатых числах декабря 1941 года тридцать партизан из отрядов Бергдта и Пуклина (по 15 от каждого отряда) под руководством коммуниста Николая Филипповича Архипова в районе станции Судимир подорвала немецкий воинский эшелон, следовавший в сторону Москвы. Мы с Михаилом Сазоновым заминировали железную дорогу из-под мостика, который между железнодорожным переездом со стороны Брянска и станцией Судимир.

После минирования мы пошли к водокачке, которая располагалась в пристанционном лесу; перебили её оборудование, все что можно было снять побросали в озеро. Уходя, заминировали дверь водкачки.

Когда мы стали отходить от водкачки, темноту разорвала яркая вспышка света, за ней по лесу прогрехотал взрыв. За взрывом мины последовали еще три вспышки и сильные громopodobные раскаты. Состав полетел под откос.

На радостях ребята тискали в объятиях и подбрасывали Архипова, Сазонкина и меня. Ликование наше было огромно, потому что это был первый немецкий поезд, спущенный под откос Бежицкими партизанами. Это было также и началом моих многотрудных походов минера по пар-

тизанским тропам.

Позже стало известно, что первый спущенный виноградовцами немецкий воинский эшелон вез к Москве танки, артиллерию и солдат. "... В силу большого размера катастрофы, её место в течение трех дней было ~~массивно~~ оцеплено специальными отрядами". (Партизаны Брянщины, сборник документов, издание второе, 1970 г., стр.121. Из докладной записки управления НКВД по Орловской области секретарю обкома ВКП(б) о результатах боевой деятельности партизан...").

Наши отряды Берндта, Пуклина и недавно прибывший в Улемьский лес отряд Михаила Петровича Коршунова (Смертина) приняли решение - 25 декабря 1941 года разгромить вражеский гарнизон на ст. Судимир. Для руководства этой операцией к нам присыл начальник штаба объединенного отряда майор Марков Иосиф Дмитриевич.

На 30 подводах партизаны двинулись в путь. В 21 час завязался бой, в результате которого было подорвано здание вокзала, выведено из строя два паравоза, забросали гранатами состав с танками, убито до 3-х десятков оккупантов, собравшихся отмечать рождество. Еще один удар по врагу на железной дороге к Москве.

В первой половине января 1942 года группа партизан-минеров Михаил Сазонкин, Федор Иванович Артамонов, Анатолий Жогин, Иван Саунин и я под руководством политрука отряда Пуклина Ивана Захаровича Петрова направилась на двух подводах на минирование железной дороги в районе ст. Зикеево, соседняя со ст. Судимиром в сторону Москвы.

К вечеру приехали в село Овсорок Жиздренского района Калужской области. В этом селе жила мать Семена Саунина с семьей. Дальше предстояло пробираться мимо крупных вражеских гарнизонов, поэтому мы решили остановиться в Овсороке в доме Сауниных и хорошенько разведать обстановку.

Знакомый Сауниным старик дал нам пулемет "Максим", две коробки с пулеметными лентами и отдельно кусок пулеметной ленты патронов на 100. Мы взяли пулемет с благодарностью и отправились ночевать в пос. Кресты, расположенный в двух километрах от села. Он прятался в густом лесу и фрицы туда не заглядывали. В поселке жила тетя Семена Саунина.

Приехав на место привели в порядок "Максим", просушили пулеметные ленты. Спать легли поздно.

На рассвете опробовали пулемет. Работает нормально. Поблагодарили тетюшку за гостеприимство и поехали обратно в Овсорок.

В селе было спокойно. По соседству с Саунинами играли свадьбу: женился 17-летний паренек на девушке такого же возраста. Такие ранние (на Руси) браки совершались для того, чтобы молодежь не утнели на каторжные работы в Германию. На чужбину оккупанты угоняли неженатых.

К нам в хату зашли старик, жених и невеста и пригласили на свадьбу, просили поздравить молодых от имени Советской власти. Мы пошли на свадьбу, поздравили молодых, выпили по стакану самогона и ушли в хату Сауниных. Уехать из Овсорока мы должны были только вечером.

В первом часу дня наш постовой сообщил, что в селе немцы.

Выйдя из изб, мы увидели вдали семь подвод, которые спеускались от сельской церкви под гору. На каждой повозке (санях) сидело по три человека.

— Ребята, погоняем фрицев? — спросил наш политрук Петров и показал на пулемет. — Этой машиной мы им дадим жару... Ну, как?

Никто не возражал.

— Тогда действуем так: ты, Артамонов, останешься на месте, у

крыльца, с подводой; Сазонкин, Жогин и Саунин лягут за плетнем, мы с ним, — он указал на меня, — заляжем на вторых санях с пулеметом. Фашистов пропустите до нас. Как мы сеханём — начнете и вы. Понятно? Тогда по местам.

Петров лёг к пулемету, я рядом. Идем немцев. Вот из-за угла вывернулась первая подвода, за ней вторая, третья...

— Держись, Коля, сейчас рубанем, — шепнул Иван Захарович.

Немцы ехали медленно и спокойно, ничего не подозревая. Они уже приблизились так, что я хорошо видел лицо пожилого возницы на первых санях, который сидел на корточках, двое сзади расположились спиной к нему, ноги вдоль саней, к задку.

— Огонь! — зычно прокричал Петров и дал длинную пулеметную очередь. Я видел, как ткнулся в передок возница, как упал на дорогу его сосед слева, как третий дернулся, но тут же вытянулся и больше не шевелился.

— Давай, Николай, давай! — Петров резко повернул пулемет левее и "Максим" смолк.

— Отказал, собака! — Петров, а за ним и я бросили в сторону немцев три гранаты. Немцы разбежались за хаты.

Миша Сазонкин выглянул из-за левого угла соседней избы и в тот же миг резанула автоматная очередь и Михаил схватился за плечо. Из-под пальцев его руки, прижимавшей рану, на кожанную куртку, в которую он был одет, струилась алая кровь.

После того, как я глянул на это кровавое пятно, в моих глазах все стало красным и снег, и дома, и люди. Такое состояние длилось несколько минут.

— Образумились, гады... Еще обойдут... — с этими словами Анатолий Жогин перескочил через изгородь, укрылся за погребом и повел огонь по задворкам, чтобы не дать немцам зайти нам в тыл.

В переулке, за плетнем я помог Сазонкину остановить кровь. Прижали вену вальком из перчаток, перевязали рану. Михаил — парень богатырского сложения, как говорят косая сажень в плечах, чернобровый красавец, от боли скрепит зубами, но крепится, стремится скрыть боль от пробитого пулей плеча. У этого парня было доброе сердце, за товарища он готов на все, хотя с виду он суров из-за привычки смотреть из-под лоба.

— Разворачивай, Коля, лошадей на выезд... Если что — оторвемся. В лес немцы не сунутся, — сказал Петров.

Я побежал выполнять команду, но при развороте саней сломалась оглобля. Заметив это, Петров выбежал на улицу где стояли немецкие лошади и одну из них стал вести за плетень, где были мы с Сазонкиным. В этот момент Иван Захарович был ранен в ногу. Мы с Семеном Сауниным переложили на немецкую подводку пулемет, посадили в сани Сазонкина и Петрова. Я натянул вожжи и погнал лошадей на дорогу к лесу. Артамонов и Жогин прикрывали наш отход.

На опушке леса, пока ожидали Федора Ивановича и Анатолия, я ликвидировал перекося пулеметной ленты и "Максим" стал исправным.

Подъехали Артамонов и Жогин. Началась сильная пурга. Раненым стало неудобно в санях с пулеметом. Мы переставили "Максим" на другую подводку. Подводу с ранеными, которой теперь управлял Саунин, пустили вперед.

Артамонов, Жогин и я, с подводой немного постояли на опушке леса и поехали догонять первую подводку.

В отряд добрались поздно ночью, смертельно усталые.

Прошло несколько дней и мне, Артамонову и Жогину снова пришлось побывать в Овсороке. Вместо села мы увидели пепелище. После нашей, можно сказать случайной, стычки с оккупантами произошло следующее:

в Овсорок прибыл карательный отряд. Озверевшие фашисты расстреляли 45 человек мирных жителей, причем почти все расстрелянные предвзвешенно подвергались тяжелым пыткам. Оккупанты подожгли село. Из 220 дворов осталось только 15. Об этом злодеянии оккупантов секретарь Орловского обкома партии Александр Павлович Матвеев 21 февраля 1942 года докладывал Центральному Комитету ВКП(б). (Брянский партиархив, фонд 1650, опись 1).

Первого марта 1942 года, в 8 часов утра карательный отряд напал на наш партизанский отряд.

С 6 до 7 часов я стоял на посту у землянки, было спокойно и вдруг, тревога, немцы.

Мы с Анатолием Жогиним выскочили из землянки с пулеметом. Отряд занял оборону. Немцы на лыжах наступали с поймы реки Овсорок. Начался бой. Я дал несколько очередей по немцам из пулемета и был ранен. Когда я раненый пополз вглубь леса, то обморозил руки, был мороз 30°, а рукавицы в спешке я оставил в землянке.

Через некоторое время ко мне подошли раненые Г.И.Соболев, Лавренов и другие.

Имея большое численное превосходство, немцы выбили наш отряд из лагеря. Взорвали землянки. В этом бою погиб Иван Захарович Петров — политрук отряда Д.Г.Пуклина. После ранения в с. Овсорок он жил в землянке нашего отряда. Иван Захарович всеми фибрами души ненавидел оккупантов и бился с ними до последнего вздоха.

После боя отряд в этом же лесу перешел на стоянку отряда М.П.Коршунова (Смертина), в район Шаховой пристани на реке Болва.

Нас раненых повезли на лечение в партизанский госпиталь в городе Дятьково. В феврале 1942 года в Дятьковском районе, во вражеском тылу, была установлена Советская власть.

В с.Любынь, которое мы проезжали по пути в Дятьково, женщины смазали мои обмороженные руки гусиным жиром, боль стала уменьшаться. Руки болели сильнее раны на ноге.

В дятьковском госпитале я познакомился с комендантом партизанского города Дятьково Иваном Васильевичем Лосевым и начальником партизанского госпиталя Сергеем Михайловичем Онохиным, с которым после войны мне пришлось совместно работать. За ратный и трудовой подвиг Сергеем Михайловичу Онохину было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он умер, работая главным врачом Дятьковской районной больницы.

23 марта 1942 года на Шаховой пристани наши партизаны вели бой с немцами. Здесь погибли Сафронов Е.Г. – секретарь партбюро цеха нашего завода, Догадаев И.Т. – директор лесхоза, его дочь Мария, которую мы все любили за красоту, простоту и ласку. У Муси Догадаевой были русые косы до пят и голубые, голубые глаза. Она через день приносила в отряд ведро молока (у Догадаевых было две коровы). – Ребята, – говорила Мария, – я всех вас люблю и вы меня любите. А вот, кончится война, выберу из вас себе мужа. Всех партизан пригласим на свадьбу. И что еще очень хочу я, так это народить много детей.

Слушая это и смотря на Мусю, не её стройный стан, пышные груди и широкие бедра, мы верили, что она говорит правду.

После второго боя бежицкие партизаны ушли из Улемьского леса за реку Болва, на территорию освобожденного Дятьковского района.

Через несколько дней руководство госпиталя решило направить шестерых раненых партизан, в том числе меня и Г.И.Соболева – пулеметчика нашего отряда. На двух подводах выехали мы из Дятькова и направились в район гор. Кирова, где проходила линия фронта. Расстояние более 70 км.

Возглавляла нашу "экспедицию" Евгения Владимировна Ревенко – медсестра из отряда Д.Г.Пуклина. Ехали в основном днем. До Бытоши была партизанская зона. В пос.Бытошь переночевали. Дальше дорога опасная, но мы проехали быстро: у нас были хорошие лошади.

Второй раз заночевали в с.Желтоухи. Это уже на линии фронта. Село Желтоухи в тылу у немцев занимал батальон советских воинов.

Теперь утром нам нужно было проскочить линию фронта. Между Желтоухами и пос.Покров перед городом Кировом (Песочня) лесной массив. Как только выедешь из этого леса перед пос.Покров огромное поле километра три в длину. Справа на пригорке просматривается деревня (до неё тоже километра три). В этой деревне (кажется Круча) – немцы и от туда они обстреливают из минометов дорогу. Дальше, как мы партизаны говорили, уже Большая Земля.

Командир армейского батальона в Желтоухах порекомендовал нам выехать завтра пораньше, потому что по этой дороге в Киров должен пройти большой обоз с сеном и соломой.

Мы встали рано и в путь. Проскочили поле, нас встречают красноармейцы, угостили хорошим табачком. Ох, как тяжело быть беспомощ-

ным, а у меня забинтованы руки, я не могу ни свернуть сигарку, ни прикурить, ни взять её в рот; не могу я без помощи поест и оправиться.

Поехали в гор. Киров, он недалеко. Едем по пойме речушки. Вдруг, над нами проносится пулевой рой и слышна автоматная очередь. Мы видим, что стрелял часовой склада, мимо которого идет дорога на город. Остановились. Женя побежала выяснять в чем дело. Разыскала начальника склада, объяснила кто едет на подводах. На наших глазах часового сняли с поста и в этот момент Женя дала бывшему часовому две хорошие оплеухи.

Приехали в гор. Киров. Разместили нас в частном доме. Женя привела военных медиков, перебинтовали нас, накормили. Мне дали настоящие костыли.

Под вечер Женя ушла к командиру части за продуктами. Агитировала командира долго, вернулась утром в сопровождении трех солдат, которые тащили мешки, коробки, банки. Это был наш харч.

Через два дня нас с Григорием Ивановичем Соболевым на автомашине повезли в госпиталь на ст. Бабынено, километров за 50 от Кирова. Остальных ребят направили в другие места.

Распростившись с Евгенией Владимировной и с ребятами, первой пожелали благополучного возвращения в отряд, вторым — выздоровления.

Прибыли мы в Бабынено. Госпиталь размещен в школе. Помещение до отказа забито ранеными. На полу солома и весь комфорт. Холодно. Кормят хорошо. Определили нам место для отдыха, сделали перевязку. Врач обнадежил, что заживление у нас идет нормально.

На третий день был обход начальника госпиталя. Идет он со свитой. Подошли к нашему углу. Начальник внимательно смотрит на меня и говорит: "Вы откуда? Я где-то вас встречал. Когда вспомните, где мы встречались, прошу зайти ко мне". Ушли медики и я вспомнил, что встречал доктора в Соколовском лесу, у Круглого озера, в землянке нашего партизанского врача Ивана Тихоновича Батюнина.

В конце октября 1941 года возле наших землянок у Круглого озера на несколько дней останавливался военный отряд особого назначения, имевший задание взрывать нефтебазы, оставшиеся на оккупированной врагом территории. А начальник госпиталя в этом отряде был врачом. На завтра я пошел к начальнику госпиталя и рассказал о вре-

мени и месте бывшей нашей встречи. Он подтвердил сказанное мною, почувтив, что у вас характерный нос, ну а у меня де хорошая память.

После этого разговора, доктор пригласил нас с Г.И.Соболевым к себе на квартиру. Жил он один в домике рядом со школой, занимая две комнатухи с кухонькой.

Нас лечили, кормили. Зачастую, майор приносил дополнительный паек. Мы стали быстро поправляться.

К концу апреля 1942 года мы тепло распрощались с нашими благодетелями и уехали в гор. Козельск. В этом городе размещался Смоленский штаб партизанского движения, которому подчинялся наш Орджоникидзеградский отряд.

В штабе нас хорошо одели, обули, дали паек на 15 суток. Я набрал в вещевой мешок комплектов для постановки химических мин, электро-взрывателей и батареек к ним, бикфордова шнура и детанирующего. Григорий Иванович заявил мне: бери все, что тебе нужно, а я донесу. Так и было, Г.И.Соболев безропотно нес три вещмешка. А прошли мы с ним почти всю средне-русскую возвышенность. Шли вдоль самой линии фронта и поэтому каких только приключений не пережили: и немецкие самолеты на бреющем полете за нами гонялись, и в военные комендатуры нас забирали неоднократно, уж очень непонятная у нас была одежда, и не военная, и не гражданская. Замучились. Но у нас были магические бумаги, выданные в штабе, прочитав которые военные товарищи просили извенить и спрашивали, чем нам помочь. Но нервотрепка продолжалась.

Только на полпути от Козельска до Кирова мы упросили командира побыстрее отвезти до Кирова где мы перейдем линию фронта. Подполковник вник в наше положение и помог транспортом.

В начале мая 1942 года мы с Григорием Ивановичем Соболевым (Максим) пешочком прибыли в отряд Д.Г.Пуклина, который в это время размещался у Круглого озера.

В письме Бежицких партизан рабочим родного завода "Красный Профинтерн", эвакуированным в гор. Красноярск, от 22 июня 1942 года, имеются такие слова: "... Меньшиков Н.Д. после лечения вернулся к нам и продолжает вместе с нами борьбу с врагом". (Сборник документов и материалов по истории БМЗ, 1969 г., стр.229).

По прибытию в отряд из госпиталя на меня была возложена ответственная задача - добыть взрывчатку. Принадлежностей для минирования мы с Григорием Ивановичем принесли с Большой Земли, а взрывчатки нет.

Недалеко от дер. Липово Дятковского района я, Артамонов и Соболев, при активной помощи жителей деревни, проживавших в лесном лагере (деревню немцы сожгли), организовали вылавку взрывчатки из снарядов, склад которых мы разыскали в лесу. Технология была такая: я руками отвертывал боеголовку снаряда, вынимал изнутри картонную прокладку. Потом, снаряды в ведрах с водой подвешивали над костром. Расплавленную взрывчатку выливали в формы из песка, получались брикеты по 2 кг весом (рельс рвет 400 граммовая шапка тола). Но главное в том, что мы нашли способ добывать взрывчатку из снарядов. Самое трудное в этой технологии было отвернуть боеголовку первого снаряда.

Немного позже мы запаслись взрывчаткой (толом) за счет разминирования большого участка дороги в Улемльском лесу. Минировали дорогу красноармейцы.

После того, как каратели вытеснили партизан из Дятковского района (июнь 1942 года), немцы начали восстанавливать Любохонский железнодорожный мост. Из Дяткова к мосту пошли поезда со строительными материалами и рабочей силой. Командование отряда решило помешать оккупантам.

Мне, Артамонову, Протопопову и Маркелову было поручено заминировать железную дорогу в районе станции Малыгино. Пошли на задание в проливной дождь. Остановились правее станции, осмотрелись.

Мы с Юрием Протопоповым поползли к железнодорожному полотну. Темень, по пути наткнулись на что-то острое, в кровь исцарапали руки, но боли не чувствовали: нервы сжались в комок, всё внимание на железную дорогу.

До насыпи считанные метры. Под руками холодный, набрякший песок. Но на дороге выросли немцы. Мы прижались к земле.

Когда говор и стук шагов патрулей смолк, мы с Юрой Протопоповым взобрались на насыпь и заминировали железнодорожное полотно между ст. Малыгино и Любохна. Я впервые поставил мину с электрическим взрывателем.

Рассвело. Наша группа забралась в гущу леса и решила ждать результатов своего труда. Прошло более пяти часов. Все мы изнемогали от холода, дождь не прекращался. Но продолжали поджидать поезда.

— Заморозят, проклятые, — ворчал Артамонов.

— Ты, Федор, вправе оскорбиться, — поддакнул Маркелов. — У нас всё готово, а они дураки мешкают...

Мы улыбнулись, а Юрий Протопопов, дежуривший на елке, кубарем

слетел вниз.

— Поезд близко!

Все насторожились. Сквозь шум дождя и ветра пробивалось татаконье колес и одышка паровоза. Звуки эти росли и крепили. Состав уже рядом, прошел мимо нас на Любохну. Сработает ли мина? Секунды кажутся вечностью. Сработает ли? И вдруг, взрыв. Мы смотрели друг на друга. Артамонов и Маркелов радостно улыбаются, хлопают меня и Протопопова по загривкам.

— Знай бежицких, гады!

Возвращаясь с задания в лагерь, мы вспомнили своего друга Анатолия Жогина, погибшего недавно в Першинском лесу. Анатолий был постоянным членом нашей группы. Для нас он был образцом дисциплинированности, скромности и спокойствия. Бывало, на привале, сидит и молчит. Все уже обедают, а он даже и вещмешка не развязал.

— Толик, — говорю ему, — ты почему не ешь, ты не здоров, что-ли? — Я здоров, а поесть еще успею, — отвечает.

Но Анатолия являлся отважным бойцом, он прикрывал отход нашей группы в с. Овсорок, это он бесстрашно косил из пулемета карателей, напавших на нашу землянку 1 марта 1942 года в Улемльском лесу. Посмертно Анатолий Михайлович Жогин награжден орденом Отечественной войны. Орден вручен его матери, которая проживала в г. Почепе.

+

+

+

Дней через десять после диверсии у ст. Малыгино, наша группа заминировала большак Денисовка-Любохна. К небольшой мине мы подложили 150 мм снаряд, соединив их детанирующим шнуром. Снаряд был тяжелый, но, идя на минирование, мы были настолько злы, что не чувствовали его тяжести.

Утром на нашу мину наскочила большая немецкая автомашина, в кузове которой были бочки с бензином и маслом. После взрыва все сгорело.

На вторую ночь после взрыва мы были недалеко и я решил осмотреть место где ставил мину. Пополз на большак и вижу впереди что-то белое. Подобрался ближе, смотрю, в воронке от взрыва мины лежат три женщины, расстрелянные немцами, а на головах у них белые платочки. Мы поклялись мстить!

+

+

В конце июля 1942 года погиб на боевом посту наш любимый командир А.И.Виноградов.

Александр Иванович родился 29 августа 1898 г. в Бежице, в семье служащего. Рано лишился отца. Закончив ремесленное училище, поступил на завод. Ему нужно было работать: на иждивении у матери находилось 5 малолетних братьев и сестер.

В 1918 году Александр Иванович добровольцем вступил в ряды Красной Армии и находился на фронтах Гражданской войны. После демобилизации он вернулся на завод, работал мастером, а затем начальником цеха.

А.И.Виноградов упорно трудился и учился, без отрыва от производства получил среднее техническое образование. Его знали на заводе как активного общественника. Он любил литературу и искусство, играл в спектаклях на сцене дворца культуры завода.

В начале войны А.И.Виноградов был назначен командиром истребительного батальона, а в октябре 1941 года стал командиром нашего партизанского отряда. Александр Иванович с гордостью носил высокое звание члена ленинской партии.

В тяжелые моменты нашей жизни в лесу и в боевой обстановке он всегда был собран, умел вдохновить людей личным примером, ободрить уставших.

Много славных дел совершил наш партизанский отряд под руководством А.И.Виноградова. За заслуги перед Родиной А.И.Виноградов был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, медалью "Партизану Великой Отечественной войны" I степени.

В сентябре 1962 года в Бежицком районе гор. Брянска, в сквере на ул. Почтовой, недалеко от дома, где А.И.Виноградов родился и жил, ему установлен памятник.

X

X

X

В ноябре 1942 года при нашем партизанском отряде был создан городской комитет партии, секретарем которого был назначен Гавриличев Григорий Григорьевич. В первые дни своей деятельности горком партии принял в партию врача отряда И.Т.Батюнина, меня, П.А.Захаркина и др. (Взрывы на большаке, стр. 46)

Прием меня в партию свидетельствовал об уважении ко мне товарищей, это была оценка моей партизанской деятельности; с другой сто-

роны — я понимал, что требуется еще лучше воевать, чтобы достойно оправдать оказанное доверие. Поэтому, лично я и наша группа минеров делали все возможное по усилению диверсий на коммуникациях врага. Мы старались...

В группу минеров, как правило, входило семь человек: два минера и пять человек для разведки и охраны. Минеры по своей квалификации были одинаковы, но минер — первый номер, являлся командиром группы и он ставил мину. Второй минер первым полз к железнодорожному полотку, готовил место для мины и последним уходил, проводя маскировку. Состав группы был постоянным. Замена в группе происходила только если товарищ погибал или был тяжело ранен.

Моиими постоянными спутниками в походах "на железку" были: Николай Филиппович Архипов, Михаил Сазонкин, Федор Иванович Артамонов, Анатолий Жогин, Николай Лапин, Николай Степин, Михаил Маркелов, Филипп Гальпер, Гергий Щербаков, Георгий Иванович Соболев, Павел Алексеевич Корявченков, Семен Саунин, Юрий Протопопов, Абрам Кейтлин. В связи с тем, что участвовать в спуске вражеских эшелонов было много желающих, особенно среди наших девушек, мы брали в группу по 1-2 человека сверх семерки.

На минирование мы ходили от 50 до 100 км в один конец. Городецкому человеку трудно даже представить это расстояние, а не то что пройти пешком. Мне пришлось шесть лет ходить в среднюю школу, расположенную на расстоянии 10 км от нашей деревни, так что ежедневно проходил 20 км. Поэтому я, да и другие ребята, выросшие в деревне, переносили длинные переходы легко, а нашим горожанам было тяжело. Но они крепились.

Непогода являлась благоприятным фактором для похода минеров на задание. К дальнему пути, непогоде следует прибавить трудности с продовольствием. При выходе на многодневное задание мы получали по вещевому мешку мяса (говядины или конины) и больше ничего. Были случаи когда при возвращении с задания наши организмы настолько обессиливали, что за 1-2 км от землянок мы уже не могли двигаться, ложились на дорогу и ожидали, когда придут ребята и помогут нам добраться домой.

Было и такое, что мы делали по 10-15 км лишнего пути для того, чтобы побывать на известном нам месте, где раньше отряд убивал скот, разыскать там брошенные внутренности животных и употребить их в пищу. Чтобы не было цынги мы ели побеги молодых сосенок.

Заминировать железнодорожное полотно было очень трудно, потому что немцы вырубали лес вдоль железной дороги и охраняли её: строили блокпосты, патрулировали на дрезинах и пешком, натягивали сигнальные провода и др.; впереди локомотивов важных воинских составов пускали платформы с песком и др. Поэтому многие наши походы были безрезультатными.

Но, несмотря на все трудности и контрмеры противника, мы ставили мины и взрывали эшелоны. Наша группа 17 раз минировала железнодорожное полотно, 8 раз мины взрывались и были крушения поездов; нами также взорвано 15 автомашин с живой силой и техникой врага.

Виноградовцы (в объединенном отряде было более 40 групп минеров) с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г. спустили под откос 123 железнодорожных эшелона, подорвали 267 автомашин и много другой техники.

В книге Орловского писателя М. Мартынова "Из орлиного племени" приводится следующая выдержка из новогоднего номера стенгазеты нашего Орджоникидзевградского (Бежицкого) партизанского отряда:

"...1942 год был годом напряженной борьбы в тылу врага и для нашего партизанского соединения. В этой суровой борьбе наши славные комсомольцы и молодые патриоты, не щадя своей жизни, нанесли огромный ущерб врагу. Комсомольцы Засилий Латышев, Анатолий Титов, Николай Степин, Николай Меньшиков, Александр Измаилов, Иван Васютин, Семен Саулин имеют на своем счету по 5-8 пущенных под откос железнодорожных эшелонов с живой силой и техникой гитлеровцев... В 1943 году фашистские звери расплатятся своей черной поганой кровью за чудовищные злодеяния. С новым годом, товарищи! С новыми победами над врагом!" (Взрывы на большаке, сборник воспоминаний, 1963 г.).

Заметка в новогоднем номере стенгазеты написана когда уже не было в живых нашего лучшего минера Анатолия Коршунова. Минер Бежицкого партизанского отряда имени А.И. Виноградова Анатолий Петрович Коршунов пустил под откос десять вражеских эшелонов. С последним подорвался сам.

На месте гибели Анатолия, на окраине пос. Сельцо Брянского района, установлен обелиск с надписью: "Комсомолец Анатолий Коршунов. Геройски погиб в ноябре 1942 года". По приказу начальника Брянского отделения московской железной дороги машинисты всех локомотивов, проходящих мимо памятника А.П. Коршунову, чествуют погибшего минера

Имя А.П.Коршунова присвоено двум тепловозам производства БМЗ, его именем названы пионерские дружины и отряды.

В 12 часов 30 минут, 16 марта 1943 года, при возвращении с задания по минированию железной дороги в районе ст. Казелкино (под Брянском), я напоролся на мину. Случилось это в центре нашего первого лагеря в Карачиже-Крыловском лесу. Была заминирована тропа на перекрестке лесных просек.

Мы шли на лыжах. Жорж Шербаков впереди, я за ним,

Мы шли на лыжах, Жорж Щербаков впереди, я за ним, за мной Федор Иванович Артамонов и другие,

Не доходя до перекрестка просеки метров пятьдесят, Федор Иванович говорит мне: «Николай, давай снимем лыжи». Я согласился, потому что уже припекало солнышко и идти на лыжах стало труднее.

Пока мы снимали лыжи, Жорж Щербаков продолжал двигаться по лыжне.

На тропе я увидел следы от немецких сапог. Но мы к таким следам настолько привыкли, что не обратили на них должного внимания.

Продолжая идти по тропе, Артамонов говорит мне: «Свистни Щербакову, пусть остановится». И в этот момент моего свистка произошел взрыв.

Очнувшись после взрыва мины, я лежал на животе, потихоньку повернулся на правый бок и на спину. Первой после контузии мыслью, которую мне выдал мозг, был вопрос о том, не ранен ли я в живот. Я боялся ранения в живот и вот этот сигнал в мозгу загорелся первым. Я провел правой рукой по животу. Все в порядке.

Мой взгляд упал на левую ногу, и я увидел разорванный валенок, развернутую портянку и синее от удара тело ноги, из раны еще не успела пойти кровь. Мелькнула мысль, что надо перетянуть ногу для уменьшения потери крови. Я стал тянуться к лежащей рядом лыжи, чтобы снять ремень для жгута.

В этот момент ко мне подбежали мои ребята. Перетянули ремнем ногу. Забинтовали ногу и левую руку, у которой был раздроблен большой палец. Товарищи отнесли меня километра на три от места взрыва мины, вглубь леса.

Стали думать, как добраться до лагеря, который находился в районе Святого озера (в Жуковском районе). До лагеря было около 6 км с гаком. Решили послать Георгия Щербакова в лагерь за лошадью, на которой на которой верхом привезти меня домой.

Трое суток томительного и опасного ожидания в лесу. Благо, что у нас были продукты и табак.

Ф.И. Артамонов и П.А.Корявченков смастерили носилки. Пригодилось полотно парашюта от осветительной ракеты, которое мы нашли у железной дороги.

Вернулся Щербаков без лошади. Но командир прислал на помощь семерых ребят. Лошадей всех поели.

Ребята донесли меня на носилках до Шибенца, что на Дятьковском большаке.

Здесь мы встретили партизан из нашей Дятьковской партизанской бригады, которые дали нам лошадь с санями. Артамонов и Кравченков уложили меня и погнали подводу в лагерь. Остальные ребята вернулись в отряд пешком.

Добрались до лагеря.

Иван Тихонович Батюнин, наш дорогой доктор и боевой друг, осмотрел мою ногу и сказал, что надо обязательно ампутировать.

Меня положили на «операционный» стол. В углу землянки шипел примус, слышалось позвякивание инструментов, пахло лекарствами. И.Т. Батюнин и медсестра приступили к операции.

В это время в землянку вбежал часовой и крикнул:

-Фашисты идут!

Иван Тихонович приказал медсестре положить поближе автомат и гранаты.

-Пусть идут, - спокойно сказал он и продолжал свое дело.

...Кругом тишина. Тревога была ложной. За немцев на дальнем посту приняли наших партизан, возвращавшихся с боевого задания.

Операция окончена. В период ее, я зубами покромсал две наволочки, чтобы не кричать от боли. Ведь операция сделана без применения обезболивающих средств.

Батюнин выпрямился, глянул на меня.

- Вот и все, Николай! Не горюй, мы еще с тобой пошагаем по русской земле.

Через трое суток на самолете меня переправили на Большую землю. В кабине штурмана самолета под приборами широкий ремень, на который садили раненого (ноги к хвосту самолета). Удобно. Когда мы летели над линией фронта, я помогал штурману распаковывать листовки, которые он бросал за борт самолета.

Лечился в полевом армейском госпитале, в госпитале г.Колюбяки под Арзамасом и в начале мая 1943 года я уже очутился в г. Тюмень. Здесь в госпитале № 2475 мне сделали реампутацию культи, потому что первая культя была длиннее, и поэтому неудобная для протезирования.

Сделали мне гипсовый протез, поставили на ноги, и уехал я в Москву.

Из Москвы поехал в гор. Елец, где размещались Орловский обком партии, облисполком и штаб партизанского движения.

В июне 1943 года меня уже определили на работу инструктором отдела по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих.

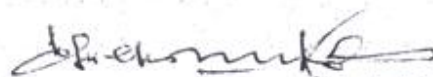
В сентябре 1944 года Советский райком партии гор. Орла выдал мне партийный билет и с этого времени исчисляется мой партийный стаж.

В докладе секретаря Бежицкого горкома ВКП(б) на XVI городской партийной конференции от 17-18 января 1945 года сказано:

"...Неувядаемой славой покрыли свои имена комсомольцы-партизаны Коршунов Анатолий - пустил под откос 10 вражеских эшелонов с живой силой и техникой врага, взорвал более 20 автомашин. Титов Анатолий - пустил под откос 9 эшелонов и взорвал 20 автомашин. Меншиков Николай - пустил под откос 8 вражеских эшелонов и взорвал 15 автомашин."

За доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков, меня наградили орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалью "Партизану Отечественной войны" I степени.

Вот об этом мне хотелось Вам рассказать.

(Н. Д. Меншиков)

8 февраля 1984 года
гор. Брянск